

БОГОСЛОВИЕ ПАМЯТИ:

Миссиональный взгляд на природу памяти и ее роль в проработке трудного прошлого

Аннотация. В своей статье автор рассматривает категорию исторической памяти с богословских позиций. Особый акцент делается на том, что работа с исторической памятью и проработка трудного прошлого является вызовом, требующим богословского осмысления и воплощения определенных мемориальных принципов, способных задать миссиональную перспективу для преобразования общества, несущего на себе отпечаток постсоветского наследия. Особенно подчеркивается актуальность обозначенной темы в контексте нынешней российско-украинской войны.

Ключевые слова: историческая память, мемориальные практики, альтернативность, реинтерпретация, трудное прошлое, свидетель, травма, травмирующее событие, миссиональная перспектива.

Title: Theology of memory. A missional view of the nature of memory and its role in working through a difficult past.

Annotation. In his article, the author examines the category of historical memory from a theological standpoint. Particular emphasis is placed on the historical memory and working through that requires theological reflection and the application of certain memorial principles. This challenge can be addressed through a missional perspective for the transformation of a society bearing the imprint of the post-Soviet heritage. The relevance of the designated topic in the context of the current Russian-Ukrainian war is especially emphasized.

Keywords: historical memory, memorial practices, alternativeness, reinterpretation, difficult past, witness, trauma, traumatic event, missional perspective.

Дмитрий Пронин, бакалавр богословия (Западно-Сибирский библейский колледж), магистрант Омского государственного университета, исторического факультета.

ВВЕДЕНИЕ

◆ Само заглавие статьи может показаться несколько неожиданным и даже удивительным, ведь оно предполагает разговор о таких категориях, которые традиционно отдавались на рассмотрение не столько богословия, сколько психологии, истории или других социальных наук. Однако, хотя подобный подход важен и имеет ряд достоинств, представляется, что не менее важен разговор о теме памяти с позиции богословия.

Если же попытаться конкретизировать сказанное, то практическим заострением этой темы станет миссиональный ракурс, в рамках которого мы постараемся ответить на вопрос – может ли разговор об исторической памяти стать своего рода исполнением миссии, результатом которой станет проработка трудного прошлого для того, чтобы предоставить возможность Богу осуществить Свою работу и даровать всем, кто в этом нуждается будущность и надежду.

В силу того, что эта задача представляется очень непростой, нам, по всей видимости, не удастся избежать некоторых обобщений, однако хочется надеяться, что это не повлияет на суть сказанного, не исказит основной мотив и позволит сделать надлежащие выводы. Прежде чем говорить о практическом преломлении темы, мы сделаем небольшой библейский обзор, в рамках которого упомянем основные мотивы, задающие богословский каркас нашему разговору и затем перейдём к выводам, обуславливающим миссиональную перспективу.

ВЕТХИЙ ЗАВЕТ И МЕМОРИАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ

◆ Категория памяти фигурирует в Ветхом завете как одна из ключевых богословских категорий истории искупления.

В книге Исход, после освобождения Израиля из египетского рабства, Бог повелевает народу праздновать праздник Пасхи, который напоминает о помиловании, данном израильтянам от Господа. «И да будет вам день сей памятен, и празднуйте в оный праздник Господу во все роды ваши; как установление вечное празднуйте его» (Исх. 12:14). Это повеление надежно фиксирует память народа на центральном событии, определяющем национальную идентичность Израиля. Евреи – не просто беглые рабы, а они народ Господа, Который вывел их из рабства и дарует им свободу.

Частью национального самосознания являлась и традиционно повторяемая молитва *Шма Израэль*: «Слушай Израиль: Господь, Бог наш, Господь един есть; и люби Господа, Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею и всеми силами твоими. И да будут слова сии, которые Я заповедую тебе сегодня, в сердце твоём. И внушай их детям твоим и говори о них, сидя в доме твоём и идя дорогою, и ложась и вставая; и навязывай их в знак на руку твою, и да будут они повязкою над глазами твоими, и

напиши их на косяках дома твоего и на воротах дома твоего» (Вт. 6:4-9). Молитва призвана была укрепить осознание народом своего избрания, через постоянное исповедание единого Бога среди множества других богов, окружавших Израиль. Это осознание они должны были напоминать последующим поколениям и не дать ему исчезнуть из национальной памяти. «Когда же введет тебя Господь, Бог твой в ту землю...тогда берегись, чтобы не забыл ты Господа» (Вт. 6:10,12). Забвение Бога прочно связывалось со всенародной трагедией, угрожающей потерей национальной идентичности.

Стоит упомянуть, что мемориальная культура Израиля, помимо прочего, получила раннее развитие в археологических артефактах и также отражала стремление зафиксировать те или иные значимые события, которые должны будут выполнять функцию сцепки будущего с прошлым, отражая в настоящем приверженность национальной памяти к завету с Яхве. Здесь можно вспомнить и патриархов, устанавливающих памятники («И встал Иаков рано утром, и взял камень, и взял камень, который он положил себе изголовьем, и поставил его себе памятником», Быт. 28:18); и вождей Израиля («И другие двенадцать камней поставил Иисус среди Иордана на месте, где стояли ноги священников, несших ковчег завета. Они там и до сего дня», Ис. Нав. 4:9) и царей, устанавливающих мемориальные жертвенники («и соорудил там Давид жертвенник Господу...», 1 Пар. 21:26).

Интересен тот факт, что в истории Израиля имели место и попытки укоренить в памяти народа культ личности отдельных царей. «Авессалом еще при жизни своей взял и поставил себе памятник в царской долине; ибо сказал он: нет у меня сына, чтобы сохранилась память имени моего. И назвал памятник своим именем. И называется он «памятник Авессалома» до сего дня» (2 Цар. 18:18) Таким образом, в памяти народа остаются не только деяния Бога, но и фигуры отдельных правителей, претендующих на значимую роль в истории. А значит, остается весь комплекс тех противоречий и государственных потрясений, которые эти правители породили.

Однако наиболее интересным фактом, с точки зрения исследования памяти как богословского феномена и его роли в сохранении истории искупления, является сам подход к фиксации Божественного откровения, отраженного в истории Израиля. Бог делает возможным передачу своего откровения в Писании через сохранение *альтернативных историй*, и таким образом не дает единственно возможного сценария произошедшего. Так появляются, например, книги Паралипоменон, где дается несколько иной образ правителей Израиля и другая оценка их действий, чем, скажем, в книге Царств.

Сравнение книг Царств и книг Паралипоменон представляет собой

интересный пример того, какой избирательной может быть память. Хронист, автор книги Паралипоменон, например, ничего не говорит о грехе Давида и Вирсавии, но при этом подчеркивает роль Давида в восстановлении храма.

Однако при этом оценка некоторых действий царя предполагает и критический ретроспективный анализ. Безусловно, выделяющимся из общего повествования здесь является библейский фрагмент с описанием переписи. Во второй книге Царств мы читаем: «Гнев Господень опять возгорелся на Израильтян, и возбудил он в них Давида, сказать: пойди, исчисли Израиля и Иуду». (2 Цар. 24:1). Но Хронист предлагает нам другое объяснение случившегося: «и восстал сатана на Израиля, и возбудил Давида сделать счисление Израильтян» (1 Пар. 21:1).

То, как именно помнят библейские авторы свою историю, заставляет задуматься о проработке ими пережитого, с последующей оценкой произошедших событий, в которой, по всей видимости, присутствует осмысление ошибок прошлого. Эта оценка дается нам в многоголосице мнений, и каждый голос важен, поскольку он дает альтернативное прочтение библейской истории.

НОВЫЙ ЗАВЕТ МЕЖДУ ИСТОРИЕЙ И ПАМЯТЬЮ

◆ В Новом Завете, как и в Ветхом, тема памяти актуализируется уже в самом способе передачи откровения о Христе – свидетельстве четырех евангелистов. Это не просто воспоминания одного человека, или же единый нарратив о родившемся, умершем и воскресшем Спасителе, но это полифония голосов авторов четырех евангелий, которые представляют пример разных, но при этом единых исторических памятей о своем Господе. Таким образом, *альтернативность*, как ключевой мемориальный принцип повествования глубоко укоренен в самом евангельском нарративе.

Кроме того, каждая такая память прочно связана с церковной традицией и помнит *то*, что важно для актуальной повседневности и *так*, как этого эта повседневность требует. Каждый из евангелистов составляет свое повествование как бы изнутри церковного окружения, которое является носителем того или иного типа исторической памяти. И в этом окружении существует свое прочтение случившегося с их Господом и Спасителем. Другими словами, перед нами предстает еще один базовый элемент исторической памяти – это *реинтерпретация* связей между событиями прошлого в соответствии с жизненным контекстом, богословием и художественным замыслом носителя памяти.

Мы видим, как, например, евангелист Матфей, чье евангелие, по всей вероятности, было написано для еврейских общин, которые испытывали давление со стороны иудеев, исходя из своих богословских соображений,

изображает Христа «наподобие Моисея», желая, видимо, таким образом реконструировать в памяти своих современников те аллюзии из прошлого, которые смогут провести важные параллели в настоящем. Христос в евангелии от Матфея произносит свою проповедь на горе, а не у ее подножия (ср. Мф. 5:1 и Лк. 6:17); в событии преображения Матфей добавляет подробности, отсутствующие у Марка, говоря о Христе, что «просияло лице его, как солнце» (Мф. 17:2); и, наконец, он единственный из синоптических авторов, кто называет облако, осенившее гору, «светлым» (Мф. 17:5), отсылая таким образом читателя к образу славы Шехины, которая сопровождала Израиль во время странствований по пустыне. Все эти детали не случайны, так как, используя определенные осколки исторической памяти о прошлом, автор евангелия задает определённую рамку для понимания настоящего.

Реинтерпретация прошлого связана с еще одним центральным событием в Новом Завете – с событием смерти и воскресения Христа. Оно актуализируется в акте вечери Господней, в которой ученики вспоминают о смысле подвига своего учителя. «Сие творите в мое воспоминание» – говорит Господь, желая, чтобы всякий раз, когда его последователи прикасаются к хлебу и вину, за этими видимыми знаками они узнавали присутствие Христа в их жизни.

Здесь примечателен пример встречи Христа с учениками по дороге в Эммаус. Рассуждая с ними о страданиях на кресте, Христос вспоминает не только событие своей смерти, но и пророчества, связанные с ней: «и, начав от Моисея, из всех пророков изъяснял им сказанное о Нем во всем Писании» (Лк. 24:17). Другими словами, Он обращается к воспоминаниям учеников, через эти воспоминания заставляет переосмыслить их прошлое, и в свете этого переосмысленного прошлого по-другому взглянуть на настоящее в моменте Вечери: «и когда Он возлежал с ними, то, взяв хлеб, благословил, преломил и подал им. Тогда открылись у них глаза, и они узнали Его».

Смерть и воскресение Христа становятся той важной призмой, через которую теперь интерпретируются все события прошлого израильского народа. И что не менее важно, эти события вписываются в контекст искупительного замысла Бога. Цель этого замысла – примирить Творца и его творение. «Бог во Христе примирил с Собою мир, не вменяя людям преступлений их, и дал нам слово примирения. Итак, мы – посланники от имени Христова, и как бы сам Бог увещевает через нас; от имени Христова просим: примиритесь с Богом» (2 Кор. 5:19-20).

Примирение, как главный движущий мотив исторической памяти, открывает для нас еще один мемориальный принцип – принцип подведения черты, означающий проработку трудного прошлого, в котором народ оказался раздираем как внутренними национальными противоречиями

(разделенная монархия, плен, массовые убийства пророков), так и противоречиями, обусловившими его сложные отношения с другими народами (ненависть к язычникам, этнические столкновения между иудеями и самарянами, римская оккупация и противостояние захватчикам).

Бог в своем искупительном замысле ведет Израиль через все перипетии трудного прошлого к будущему, в котором создаст Свой народ – Церковь, состоящую из разных народов. В этом народе уже нет разделения, вражды и ненависти, потому что сам Бог является его правителем, а Его Сын, Иисус, принес жертву и искупил Себе людей из разных народов. Его жертвы достаточно, чтобы остановить бесконечную череду жертвоприношений, как ритуальных, из овнов и тельцов, так и вполне реальных, из людей, чья кровь проливается ради утоления человеческой ненависти или справедливости.

Осмысливая прошлое через жертву Христа, каждый, кто решается стать частью Божьего народа, вынужден примириться со своим прошлым, память о котором хранит преступления, совершенные против своих братьев и против других народов. Отныне каждый получает шанс обрести во Христе новую идентичность, в которой «нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все во всем Христос» (Кол, 3:11).

И еще один немаловажный элемент, скрепляющий обозначенные выше мемориальные принципы – это *внимание к фигуре свидетеля*. Здесь важно отметить две важные особенности.

Во-первых, историческая память существует именно *как память*, а не *как история*. Первое возможно только при наличии человека, бывшего свидетелем и очевидцем событий, в памяти которого прошлое локализовано в виде воспоминаний, второе – не обязательно связано с человеком. Оно скорее обезличено и локализовано в исторических документах, артефактах и археологических находках, которые позволяют реконструировать прошлое без отсылки к очевидцам и нередко позволяют манипулировать фактами, создавая тот образ прошлого, который соответствует сегодняшней политической конъюнктуре. Здесь вспоминается известное высказывание одного марксистского историка: «История есть политика, опрокинутая в прошлое»^[1]. Однако это не означает, что история представляет собой лишь служанку политики. Такое определение явно было бы преувеличением. Мы всего лишь хотим указать на то, что история уравновешивается памятью, формируя вместе с последней два разных канала репрезентации прошлого. Как выразила это исследователь мемориальной

^[1] Из доклада «Общественные науки в СССР за 10 лет» (22 марта 1928 г.) советского историка-марксиста М. Н. Покровского. Вероятно, это парафраз известной максимы британского историка Эдварда Фримана: «История есть политика прошлого, а политика – история настоящего».

культуры Аллейда Ассман: «Память дополняет историю, история корректирует память»^[2].

Во-вторых, и это тесно связано с первым, – возрастает степень доверия к свидетелям событий. Для читающих Новый завет очень важным является тот факт, что свидетельство, как основной мемориальный принцип, глубоко укоренено в основе христианского провозвестия. Как известно, сам Христос, не написал ни строчки для передачи своей вести, но посылает свидетелей, говоря: «и будете мне свидетелями в Иерусалиме, и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли» (Деян. 1:8) Это свидетельство, передаваясь из уст в уста, в какой-то момент становится письменным свидетельством, оформившимся в библейский текст, однако, это несколько не отменяет важности устной передачи вести о распятом, воскресшем и вновь грядущем Христе.

ПАМЯТЬ И МИССИОНАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ В ПОСТСОВЕТСКОМ КОНТЕКСТЕ

◆ Рассмотрев ветхозаветные и новозаветные библейские сценарии исторических памятей, отложим их теперь на некоторое время для того, чтобы вернуться к ним позже. Прежде чем ответить, какое значение имеет все вышесказанное для современного опыта проработки трудного прошлого, и чем оказывается полезен библейский мемориальный нарратив, мы постараемся сначала исследовать тот контекст, в котором эти вопросы могут быть заданы. А именно, мы проанализируем пространство смыслов, порожденных исторической памятью российского общества. И, хотя разговор пойдет о состоянии именно российского общества, проблемы, с которыми оно столкнулось сегодня, могут оказаться общими и для всего постсоветского пространства в целом.

В 2020-ом году в издательстве «НЛО» вышла книга исследователя мемориальной культуры Николая Эппле, под названием «Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах». В своем довольно объемном труде автор решает говорить о не простой теме – проработке трудного прошлого, отмеченного государственными преступлениями, оценка которых несет в себе двойственность, а память о которых порождает конфликты между поколениями.

Говоря о возросшем в последние годы интересе к теме прошлого, автор использует метафору «воспаления памяти» и отмечает, как это становится не просто мейнстримом, но приобретает поистине параноидальный характер. Происходящее выглядит как минимум странно. Международная изоляция огромной страны, обнищание населения, эконо-

^[2] Assman A. Transformations between History and Memory // Social Research. 2008. Vol. 75. № 1. P. 57.

мический упадок, отток инвестиций, сокращение бюджетных расходов на образование, здравоохранение и пенсии – все эти проблемы требуют решения и ясной перспективы на будущее. Но вместо этого общество увлечено обсуждением прошлого.

Даже краткий ретроспективный анализ общественно значимых событий, проводимый автором, красноречиво свидетельствует об этом.

Одним из ярких маркеров, свидетельствующих об интересе к памяти о советском прошлом, является установка памятников Сталину. Но если раньше инициаторами установки памятников советскому вождю были коммунисты или ветераны, и сами памятники устанавливались, как правило, на частной территории, то теперь «ползучая ресталинизация» вырвалась из частного пространства и стала захватывать общественные места. Евромайдан в Украине и последующая аннексия Крыма стали мощным триггером, запустившим постимперский проект российского режима, в рамках которого действующая власть делала все возможное, чтобы, используя реваншистские настроения, укрепить свое влияние на постсоветском пространстве. И фигура Сталина, нависающая над настоящим, отбрасывала тень прошлого, напоминающего о величии былой державы. Как отмечает Е. Лёзина, «фигура Сталина чрезвычайно удобна для российского режима, поскольку за ней стоит идея великой державы, имперской экспансии и национального величия, а также идея неподотчетности и не подконтрольности власти обществу»^[3].

Оценки роли Сталина в общественном сознании менялись по мере того, как менялись геополитические интересы российского режима. В общественных дискуссиях все чаще и чаще озвучивались тезисы о «излишней демонизации» Сталина, о том, что под его руководством страна превратилась «из аграрной в индустриальную», и о том, настолько «эффективным менеджером» был советский лидер. Как отметил историк Ярослав Шимов, «Получается, что расширение страны, аннексия Крыма, оказалась для большей части сограждан толчком к возвращению какой-то мировоззренческой рамки, взгляда на мир, которую мы знаем по Советскому Союзу середины XX века»^[4].

Другим свидетельством воспаления памяти стал интерес к *реинтерпретации истории*. Здесь можно вспомнить и переписывание учебников истории, и пересмотр роли СССР во Второй мировой войне и переоценку масштабов совершенных репрессий. Все это породило волну полити-

[3] Лёзина Е. XX век: проработка прошлого. Практики переходного правосудия и политика памяти в бывших диктатурах. Германия, Россия, страны Центральной и Восточной Европы / Е. Лёзина. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 543.

[4] Шимов Я. «Если нет будущего, остается только прошлое» // Радио Свобода. 2016. 6 июня. <https://www.svoboda.org/a/27782275.html>.

чески мотивированных преследований как различных отдельных историков, так и исторических обществ. Суд над Юрием Дмитриевым, главой карельского отделения «Мемориала», получил широкий общественный резонанс, а сам Юрий подвергся уголовному преследованию и в результате получил 15 лет лишения свободы по сфабрикованному делу. Дмитриев известен как составитель и издатель Книг памяти жертв политических репрессий 1930–40-ых годов. Сам же «Мемориал», занимавшийся увековечиванием памяти репрессированных, просветительской и правозащитной деятельностью был сначала признан иностранным агентом, а затем ликвидирован.

Как замечает поэт и переводчик, Ольга Седакова, «Мемориал» начал борьбу с той второй смертью, на которую государство осудило тех, кого уничтожило физически: на смерть историческую. Они не то чтобы исчезли – их как бы не было»^[5]. Именно поэтому возникает такой проект в сфере памяти, как «Возвращение имен». В рамках этого проекта каждый год 29 ноября с 10 утра до 10 вечера около Соловецкого камня, памятника жертвам политических репрессий, читаются имена людей, расстрелянных во времена Большого террора. Сегодня акция проходит в 46 городах – в России и за ее пределами.

Переоценка масштаба политических репрессий спровоцировала широкую общественную дискуссию, отголоски которой вылились в пространство социальных медиа. Ярким примером разговора о трудном прошлом стал фильм Юрия Дудя «Колыма – родина нашего страха», вышедший в 2019 году и набравший в YouTube более 27 миллионов просмотров. Как признается сам блогер, одна из причин, согласно которой он решился говорить о такой трудной теме как репрессии, заключается в забвении этой темы. Согласно исследованиям ВЦИОМ, более половины молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет никогда не слышала о сталинских репрессиях.

Но, пожалуй, самым ярким свидетельством воспаления памяти является культ победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Эксплуатация российской властью этого национального праздника позволила говорить не только и столько о памяти победы над фашизмом в прошлом, сколько о реваншистских настроениях и победе над коллективным Западом в настоящем. Тема победы активно использовалась в риторике государственных СМИ, породив волну рессентимента в российской общественности. Мем «Можем повторить» стал отражением того нарратива, который государство транслировало «глубинному народу» и мировой общественности, формируя общественно-политическую повестку. Как отмечает

[5] Ольга Седакова о «Мемориале». Цит. по Еремеева Еремеева, С.А. Память: поле битвы или поле жатвы? / С. А. Еремеева. – М.: Издательский дом «Дело» РАН-ХиГС, 2021. С. 95.

российский исследователь мемориальных практик, Светлана Еремеева, война оказалась «точкой сборки» современного российского общества. И тут же предупреждает, о потенциальной опасности такого подхода.

«Само сведение многообразного прошлого к одному сюжету, которым можно гордиться, потенциально опасно. Опасно своим анахронизмом: мир соотносит себя с XXI веком, а Россия – с 1945 годом. Опасно своей одномерностью: за душой не оказывается ничего, кроме победы в войне, которую мы упорно продолжаем считать Отечественной. Опасно своей экзистенциальной упрощенностью: весь опыт войны оказывается сведен к победе»^[6]

Не удивительно, что подобные игры с исторической памятью, где призраки прошлого свободно бродят на полях коллективного бессознательного, где идеи национальной гордости, государственной силы и имперской вседозволенности формируют национальную идентичность, а победа в войне является чуть ли не единственной национальной идеей, в конце концов привели к единственно возможному исходу – к попытке повторить победоносную войну и доказать себе и всему миру, что Россия по-прежнему является великой державой, способной дать отпор Западу в его попытках установить контроль над геополитическим пространством стран некогда входивших в состав СССР. Под предлогом «денацификации и демилитаризации» 24 февраля 2022 года президент России ввел войска в Украину и начал полномасштабные военные действия на территории суверенной страны.

ТРАВМА ПАМЯТИ И ЭТАПЫ ПРОРАБОТКИ ТРУДНОГО ПРОШЛОГО

◆ Чем же можно объяснить такое воспаление памяти? Николай Эппле в своей книге использует понятие травмы, для описания того, с чем имеет дело российское общество сегодня. Именно травма непроработанного трудного прошлого, в котором не была совершена работа примирения, сегодня оказывается тем «собирающим моментом, реанимируемого конструкта»^[7], который условно можно назвать «СССР 2.0». Все отголоски прошлого, наблюдаемые нами сегодня, начиная с переоценки роли личности советских вождей, заканчивая геополитическими войнами в духе советской империи – есть не что иное как флешбеки того самого травматичного прошлого, в котором не проделана работа по признанию своей вины и взятию ответственности, а также преодолению своих страхов и комплексов.

^[6] Еремеева, С.А. Память: поле битвы или поле жатвы? / С. А. Еремеева. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. С. 340.

^[7] Эппле Н. Неудобное прошлое. память о государственных преступлениях в России и других странах. М.: НЛО, с. 32.

В состоянии, когда травма оказывается не преодоленной, прошлое начинает довлеть над настоящим, конфигурируя очертания общественной жизни в соответствии с теми доминирующими мотивами исторической памяти, которые вызывают наибольший шок от пережитого. «Причина захваченности прошлым – его незавершенность, невозможность должным образом похоронить и оплакать покойников, вступить в права наследства, извлечь из истории выводы и, завершив один цикл, начать следующий» – говорит автор^[8].

В качестве процесса проработки коллективной травмы автор предлагает алгоритм, выстроенный из следующих поочередно сменяемых друг друга этапов.

Первым этапом оказывается этап «подведения черты». Осуждение преступного прошлого, в котором государственные преступления не получили должного воздаяния, а также не произошло перехода к другому типу государственности, связано с категорией черты. Иными словами, под прошлым подводится черта для того, чтобы обозначить границу между старым и новым.

Категория черты выполняет роль своего рода «санитарного рва», который позволяет обозначить прошлое, с которым не хочется иметь дела. Необходимо вырыть этот ров для того, чтобы деструктивное влияние прошлого на настоящее не оказалось губительным и не смогло перебраться через установленный санитарный кордон. Образ такого кордона хорошо изображен в романе Альберта Камю «Чума», в котором фашизм осмысляется как болезнь, чье возвращение вполне возможно, если с ней не разобраться.

Николай Эппле убедительно показывает, что черта, как способ переворачивания страницы исторического прошлого, является важнейшей мемориальной практикой. «Подведение черты привлекательно не только возможностью поставить заслон заразе преступных практик прошлого. Это еще и возможность «обезвредить» прошлое, освободив себя от ответственности за него. Этот аспект оказывается важен и для авторов компромиссных моделей договорного транзита (задача максимально сгладить переход для всех договаривающихся сторон), и для авторов моделей реваншистских (задача – замаскировать отсутствие перехода правильными словами)»^[9].

Вторым этапом процесса проработки трудного прошлого является *обнуление*. Образ нуля в контексте разговора об исторической памяти отсылает нас к европейской истории и «нулевому часу» (24/0 часов 8/9 мая 1945 года) в Германии. Под процедурой обнуления часто понима-

[8] Там же, 29.

[9] Там же, 352.

ется попытка сделать прошлое небывшим. Забвение является довольно распространённой мемориальной практикой. Часто конфликтующие стороны, стараясь примириться, говорят: «Забыли, проехали». Однако, как отмечает автор, «реплика «забыли» исчерпывает конфликт, если ее произносит пострадавшая сторона после того, как виновник конфликта признает свою вину и попросит о прощении <...> Между тем в политической практике предложение «забыть», как правило исходит не от пострадавшего, а от виновника, причем именно тогда, когда он не готов брать ответственность за случившееся и просить прощения. Такое обнуление не исцеляет конфликт, а ретуширует его».^[10]

Согласно классической теории, предложенной Зигмундом Фрейдом и Йозефом Брейером в книге «Исследование истерии» (1895 г.), травма оборачивается для человека серьезными разрушительными последствиями для психики. Ее невозможно исцелить и сделать травмирующее событие «не бывшим». Наоборот, всякая попытка забыть случившееся приносит еще большие проблемы. Однако травму можно проработать, то есть помочь человеку осознать, что произошло, оплакать, принять себя и новую реальность окружающей действительности.

В качестве примера того, как это возможно автор приводит эпизод примирения между Денисом Карагодиным, инициатором расследования убийства своего прадеда в годы Большого террора, и внучкой человека, участвовавшего в его расстреле. Прочитав о расследовании Карагодина Юлия N написала ему письмо, в котором рассказала о своих чувствах и мыслях от того, что она узнала о своем прадеде.

«Я не сплю уже несколько дней, просто не могу и все... Я изучила все материалы, все документы, что у вас на сайте, я столько всего передумала, ретроспективно вспомнила... Отца моей бабушки (маминой мамы), моего прадеда, забрали из дома, по доносу, в те же годы, что и вашего прадедушку, и домой он больше не вернулся <...> Вот так сейчас выяснилось, что в одной семье и жертвы и палачи... Очень горько это осознавать, очень больно... Но я никогда не стану отрекаться от истории своей семьи, какой бы она ни была. <...> То горе, которое принесли такие люди, не искупить... Задача следующих поколений просто не замалчивать, все вещи и события должны быть названы своими именами».

В ответ Денис Карагодин написал:

«Юлия, вы написали мне очень искреннее и проникновенное письмо. Это очень мужественный поступок с Вашей стороны. Я искренне вам благодарен. Я вижу, что вы – прекрасный человек! Я счастлив, что Вы такая. И горд, что могу написать вам это прямо и не кривя душой.

^[10] Эппле Н. Неудобное прошлое. память о государственных преступлениях в России и других странах. М.: НЛО, 2020.

В моем лице вы не найдете врага или обидчика, лишь человека, хотящего раз и навсегда *обнулить* всю эту бесконечную кровавую русскую баню»^[1].

Отличительной особенностью этого диалога становится не попытка обнуления, в смысле, забвения произошедшего и стремления придать ему статус небывшего. Наоборот, все участники соглашаются с тем, что «все вещи и события должны быть названы своими именами». Ключевой особенностью является обнуление произошедшего в смысле *забвения прошлого как разделяющего*.

И последним этапом в процессе проработки травмирующего прошлого является *работа принятия*, которая вовсе не означает оправдание прошлого, но под принятием подразумевается «готовность не отворачиваясь смотреть на трудные для принятия факты и обстоятельства». Как отмечает Николай Эппле «Осуждение вовсе не противоречит принятию и не противоположно ему, но является его *критической практикой* – так принимается дурное и преступное. Принятию противоположно не осуждение, но отрицание прошлого»^[2]

РАБОТА С ТРУДНЫМ ПРОШЛЫМ КАК МИССИОНАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ

◆ Итак, обозначив тот постсоветский контекст, в котором мы сегодня сталкиваемся с проблемой травмы исторической памяти, а также очертив основные контуры процесса проработки трудного прошлого, вернемся к примерам библейских мемориальных сюжетов и постараемся дополнить сказанное, придав ему богословское основание.

Во-первых, хотелось бы отметить, что работа с исторической памятью представляет собой *миссиональный вызов, который должен быть осмыслен богословски*. С точки зрения миссии Бога в этом мире пространство исторической памяти является пространством христианской миссии не в меньшей степени чем благовестие, дела милосердия или забота о душах. Осуществление этой миссии требует навыков критического мышления, исторической осведомленности, моральной чистоты и готовности не идти на поводу у большинства, оправдывающего дела беззакония. Забытый библейский призыв «не следуй за большинством на зло» оказывается, как никогда актуальным. Но самым главным условием осуществления этой миссии является верность ценностям Божьего Царства, в котором, нет места никакому превозношению одного народа над другим, нет места национальной гордыне, нет места произволу беззакония, подавляющего человека или расчеловечивающего его.

^[1] Там же, с. 359-360.

^[2] Там же, с. 419.

Во-вторых, необходимо отметить, что евангельские мемориальные сценарии предусматривают *альтернативное прочтение* произошедшего. В этой исторической полифонии обнаруживается некоторый антидот к исторической тотальности и однобокости, которая рискует присвоить память и использовать ее в пропагандистских целях. Для проработки трудного прошлого этот факт является немаловажным, поскольку при осмыслении пережитого важно помнить, что есть и другая история. Не только история победителей, но история пострадавших. Есть не только «Бессмертный полк», но и «Бессмертный барак»^[13]. Без этой альтернативы не случится прозрения, а без него невозможно признание вины и взятие ответственности. Следовательно, и вся работа принятия в целом остается под вопросом. Реинтерпретация прошлого оказывается одной из ключевых мемориальных стратегий, предохраняющей от сползания в национальную гордыню или имперские комплексы.

В-третьих, исцеление памяти напрямую связано с центральным евангельским императивом – призывом к примирению. Бог примиряет людей во Христе через принятие прошлого и обнуление его как разделяющего. Больше нет ничего, что могло бы разделить жертву и палача, убийцу и убиенного, агрессора и обороняющегося, если они примирились во Христе. Оказывается, прошлое целых народов в перспективе может быть преодолено. Варвар и скиф, иудей и эллин, раб и свободный имеют шанс найти язык, на котором они произнесут слова примирения, объединившись вокруг умершего за них и воскресшего. Конечно, такой факт не отрицает необходимости признания своей вины и раскаяния, ведь вещи нужно называть своими именами и осуждать сделанный грех. Но, как мы уже упоминали, осуждение не противоречит принятию, а всего лишь является его «критической практикой».

Российскому обществу еще предстоит пройти через проработку своего трудного прошлого. И чем больше сегодня отрицается та степень беззакония, творимого преступным российским режимом, чем больше совершается преступлений российскими военными на территории независимой Украины, чем глубже проникает яд пропаганды в массовое сознание простых граждан, тем труднее будет работа с исторической памятью, тем болезненнее будет осознание сделанного в Буче, Гостомеле и Ирпене и тем страшнее будет признание, что убийства и бомбежки Мариуполя,

^[13] «Бессмертный барак» – общественный проект по сохранению памяти о периоде репрессий, голода и депортации народов. Общественная инициатива возникшая как реакция на другую общественную инициативу «Бессмертный полк», использовавшуюся российскими властями в пропагандистских целях, для популяризации темы победы в ВОВ. По замыслу организаторов «Бессмертного барака» одной из задач этого проекта было желание показать, какой ценой досталась победа в войне и сколько человеческих жизней было погублено тоталитарным режимом в СССР.

Херсона и Киева никак не связаны с мифической «денацификацией».

Единственным возможным шагом станет покаяние, которое будет реальным только при реализации институциональных мемориальных практик. Что это будут за практики и какие общественные институты они затронут покажет время, но определенно одно – если мы хотим, чтобы процесс проработки трудного прошлого помог российскому обществу проработать травму, нанесенную ему политическими диктатурами советского и постсоветского режимов, необходимо будет всерьез задуматься не только о широкой общественной дискуссии, но и о создании своего рода инфраструктуры для «прорыва памяти». Авторами такого мемориального прорыва могут выступить самые разные личности и общественные институты. Но в первую очередь ответственность, конечно, лежит на Церкви. Прервать долгое молчание и назвать вещи своими именами, сделать шаг навстречу и принести покаяние за народ, могут и должны именно те, кому было поручено совершать «служение примирения». История знает прецеденты, когда Церковь первой показывала пример покаяния и тем самым начинала трудный, но такой необходимый разговор о трудном прошлом.^[14]

В-четвертых, евангельская мемориальная практика свидетельства указывает нам на важность способа памятования о трудном историческом прошлом. Образ свидетеля напоминает нам о важном принципе – *что и как* будут помнить, зависит от нас, свидетелей и современников тех событий, которые завтра станут трудным прошлым. Особенно это актуально сегодня, когда на наших глазах происходят вещи, которые переворачивают привычный нам мир – убийство, насилие, геноцид.

Фигура свидетеля приобретает исключительную важность еще и от того, насколько трудно сегодня становится найти правду в потоках лжи пропагандистских медиа. Случившееся в Украине снова обнаружило насколько христиане бывают неразборчивы в выборе источников информации. Вместо того, чтобы доверять своим братьям, свидетелям и очевидцам событий, они нередко предпочитают ссылаться на откровенную пропаганду, транслируемую подконтрольными власти СМИ, или же говорить о том, что «все не так однозначно». Громкое и ясное послание свидетелей всегда будет камнем преткновения, но именно оно так важно

^[14] Имеется в виду так называемое «Штутгартское исповедание вины» (1946 г.) Совет Евангелической церкви Германии выпустил документ, в котором признал свою ответственность за преступления нацистов. Авторы Исповедания писали: «С глубокой болью мы заявляем: через нас многие народы и страны были ввергнуты в безмерное страдание. То, о чем часто свидетельствовали на своих собраниях, мы ныне объявляем от имени всей Церкви. Многие годы мы боролись во имя Иисуса Христа против духа, нашевшего свое ужасающее выражение в тираническом режиме национал-социализма, но мы обвиняем себя за то, что нашему свидетельству не доставало мужества, молитве верности, вере – радости, а любви – огня».

для последующей проработки той травмы, которая произошла сегодня с огромным количеством людей. Нам всем еще предстоит огромная работа, хотя начать ее пока невозможно, поскольку само травмирующее событие еще не закончилось и заставляет нас оставаться в дрящей незавершенности.

Миссиональность, выраженная посредством работы с исторической памятью, критически важна для всего постсоветского пространства. Избавление от идолов прошлого, возвращение утерянной человечности и восстановление справедливости – все это, несомненно, является признаками того, что «Царствие Божие приблизилось». Но для того, чтобы это приближение случилось, необходимо разорвать порочный круг блуждания по пустыне исторических повторений. Необходимо вспомнить пережитое, не отворачиваясь посмотреть ему в глаза, раскаяться и, приняв случившееся, жить дальше.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Лёзина Е. XX век: проработка прошлого. Практики переходного правосудия и политика памяти в бывших диктатурах. Германия, Россия, страны Центральной и Восточной Европы / Е. Лёзина. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 543.
- Еремеева, С.А. Память: поле битвы или поле жатвы? / С. А. Еремеева. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. С. 340.
- Шимов Я. «Если нет будущего, остается только прошлое» // Радио Свобода. 2016. 6 июня. <https://www.svoboda.org/a/27782275.html>.
- Эппле Н. Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах. М.: НЛО, 2020.
- Assman A. Transformations between History and Memory // Social Research. 2008. Vol. 75. № 1. P. 57.